

Русскоязычные репатрианты в системе конкурирующих солидарностей Израиля

Введение и постановка проблемы

Израильское общество обладает уникальной социальной структурой, которую можно описать как «**территория конкурирующих солидарностей**». В такой системе различные группы – религиозные и секулярные евреи, выходцы из Европы (ашкенази) и Востока (мизрахи), русскоязычные репатрианты, арабские граждане и др. – имеют несовместимые представления о характере государства и национальной идентичности. Это приводит к тому, что в Израиле нет единой общепринятой версии национального нарратива, а разные группы сосуществуют через хрупкие компромиссы и *статус-кво*.

Отсутствие формальной конституции в Израиле отражает данный феномен. Израиль – одно из немногих государств без конституции, и это не случайность, а следствие сознательного избегания «окончательных решений» по вопросам идентичности государства¹. Любая попытка закрепить единое определение того, *что такое еврейское государство, кто считается евреем, каковы границы государства*, немедленно столкнулась бы с непримиримыми разногласиями между группами (религиозными и светскими, левыми и правыми, ашкенази и мизрахи и т.д.). Поэтому вместо конституции существуют разрозненные *Базовые законы* и негласные договорённости. Как отмечает израильский политолог Ханна Лернер, непринятие конституции и размытые статус-кво – это осознанная стратегия израильских элит, позволяющая избежать конфликтов по базовым вопросам идентичности государства. В результате каждая группа хранит свою версию того, чем является Израиль, а стабильность поддерживается посредством баланса сил и взаимного вето.

Проблема, которую рассматривает данный документ, – положение русскоязычных репатриантов (выходцев из СССР/СНГ)² в этой системе конкурирующих солидарностей. Русскоязычная алия 1990-х годов (т.н. «большая алия») привела к прибытию около 1 миллиона человек, что составило ~15% населения Израиля³. Эти репатрианты внесли огромный вклад в экономику, науку и обороноспособность страны. Например, более четверти преподавателей израильских вузов – носители русского языка, а выходцы из СССР непропорционально представлены среди инженеров, врачей и ученых. Свыше 60% репатриантов из СССР имели высшее образование, что значительно выше среднего уровня по Израилю⁴. Их приезд в 1990-е стал демографической «подпиткой» еврейского населения и человеческим капиталом для высокотехнологичного рывка Израиля. Однако, при всей функциональной интеграции русскоязычных в экономику и армию страны, их *символическая интеграция* в нацию остаётся неполной. Спустя более 30 лет после начала большой алии многие русскоязычные израильтяне ощущают недостаточное признание их культуры и статуса в общем израильском нарративе.

¹ trtworld.com

² ridl.io

³ ynetnews.com

⁴ gov.il

Цель аналитической записки – проанализировать причины и механизмы того, почему русскоязычные репатрианты остаются на периферии символического пространства Израиля, несмотря на их безусловную экономическую и демографическую значимость. Мы рассмотрим историческую трансформацию израильского общества (революция мизрахи), положение «русской алии» в новой конфигурации, существующие напряжения и сценарии дальнейшего развития. В заключение предложены **рекомендации** по укреплению интеграции русскоязычных репатриантов – как социальной, так и символической – со ссылкой на опыт и данные исследований.

Структура конкурирующих солидарностей в Израиле

Для понимания ситуации русскоязычных израильтян необходимо сначала описать общую структуру израильского общества. Она характеризуется несколькими пересекающимися осями идентичности, ни одна из которых не является единолично доминирующей. К ключевым линиям разлома относятся:

- **Религиозно-светская ось.** Общество разделено на ультраортодоксов (харедим), религиозных сионистов, традиционалистов и светских. Эти группы радикально расходятся во взглядах на источники власти и права: для одних главным законодательством является Галаха (религиозный закон), для других – демократические принципы. Например, харедим считают, что Тора заменяет собой конституцию, поэтому *«нет места конституции, созданной людьми, если у нас есть данная Богом Тора»*⁵. Светские же настаивают на отделении религии от государства. **Консенсус между этими полюсами отсутствует**, и это одна из причин невозможности принять единый конституционный договор.

- **Этнокультурная ось.** Исторически израильская элита была **ашкеназской** (выходцы из Европы), и первые десятилетия страны прошли под знаком европейских культурных норм. Однако после 1970-х усилилась роль **мизрахим** – евреев, приехавших из стран Ближнего Востока и Северной Африки. Мизрахи долго были социально и культурно периферийными, подвергались дискриминации, их рассматривали через призму «плавильного котла», предполагая ассимиляцию в западный образец. Начиная с 1970-х мизрахи сумели мобилизоваться и добиться *культурной реабилитации* своей ближневосточной идентичности (подробнее – в следующем разделе). Кроме того, в обществе присутствуют **эфиопские евреи** (олим из Эфиопии, тоже испытывающие трудности интеграции) и **арабские граждане Израиля** (палестинские арабы с израильским гражданством), чья национальная принадлежность и лояльность рассматриваются отдельно от еврейской большинства. **Русскоязычные репатрианты** образуют ещё одну крупную общность со своим языком и культурой. Таким образом, израильское еврейское общество само по себе неоднородно (ашкенази, мизрахи, «русские», эфиопы и др.), а также включает нееврейские группы.

- **Идеологическая ось.** Политический спектр Израиля охватывает **левый сионизм** (в прошлом гегемон, теперь ослабленный), **правый национализм** (ныне доминирующий), **либерально-космополитические** круги и **ультраконсервативные религиозные** партии. Каждая идеологическая группа по-своему отвечает на вопрос, что важнее – еврейский характер государства или демократические ценности, территориальная целостность всей Эрец-Исраэль или компромисс с палестинцами, и т.д. Часто наблюдается совпадение идеологии с этнокультурной принадлежностью (например, мизрахи непропорционально представлены среди правых избирателей, тогда как ашкеназская интеллигенция – среди

⁵ trtworld.com

лево-либеральных). Но в целом идеология добавляет ещё одно измерение конкуренции солидарностей: спор о целях государства и путях его развития.

Важно подчеркнуть: эти солидарности не выстраиваются в единую иерархию. Нельзя сказать, что одна группа абсолютно доминирует во всех сферах – скорее, каждая имеет *свою сферу влияния*. Например, **харедим** (ультраортодоксы) сравнительно немногочисленны, но обладают решающим голосом в вопросах религиозной политики (кашрут, браки, шабат и пр.), часто диктуя условия коалициям. **Мизрахи** к настоящему времени составляют демографическое большинство еврейского населения⁶ и политически влиятельны (традиционно поддерживают партии правого лагеря, прежде всего *Ликуд*). **Ашкеназские светские** по-прежнему сильны в экономике, высокотехнологичном секторе, судебной системе, но их символическое влияние на определение национальной культуры уже не таково, как в первые годы государства. **Религиозные сионисты** занимают промежуточное положение между ультраортодоксами и светскими, сочетая религиозную практику с активным участием в жизни государства. Религиозные сионисты — самая вооруженная социальная группа в Израиле, что во многом обусловлено их активным участием в поселенческом движении. Политический обозреватель 12-го канала Амит Сегал (сам религиозный сионист) оценил долю погибших среди религиозных сионистов в октябре 2024 года выше 60%.⁷

Русскоязычные израильтяне имеют значительный электоральный вес (~15% населения) и высокое представительство в высококвалифицированных профессиях, однако не обладают “собственной” институциональной сферой влияния, кроме разве что Министерства абсорбции или русскоязычных СМИ.

Механизм устойчивости такого общества – *консоциативная демократия* (по Лейпхарту) или, иначе, серия компромиссов между элитами разных групп. Каждая крупная группа получает определённые гарантии: религиозные – сохранение влияния Галахи (статус субботы, кашрута, отсутствие гражданских браков), секуляристы – сохранение либеральных прав в экономике и частной сфере, мизрахи – представительство во власти и признание их культурных символов, русскоязычные – благоприятные условия абсорбции и т.д. Эти **неформальные «договорняки» и статус-кво** заменяют собой единые правила.

Цена за такую гибкость – **институциональная неопределённость и постоянное «пересогласование» правил**. Например, вопрос призыва ультраортодоксов в армию вот уже много лет не решён окончательно, а периодически переговаривается при формировании каждой новой коалиции; баланс полномочий религии и государства сохраняется в подвешенном состоянии, вызывая периодические кризисы (последний пример – споры вокруг судебной реформы 2023 года, отчасти затронувшей тему религиозного влияния на законодательство).

В контексте данной записки, **русскоязычные репатрианты** – это одна из **конкурирующих солидарностей**, не вписывающаяся полностью ни в одну из традиционных осей и потому занимающая *особое место*. Далее мы рассмотрим исторические причины этого явления.

⁶ 972mag.com

⁷ <https://www.timesofisrael.com/as-religious-zionist-idf-casualties-rise-so-does-resentment-of-haredi-exemption-bill/>

Исторический контекст:

«Революция мизрахи» и новая конфигурация общества

Положение русскоязычных репатриантов формировалось на фоне кардинальной трансформации израильского общества, произошедшей в 1970–80-х годах, которую можно назвать **революцией мизрахи**. Чтобы понять трудности интеграции «русской алии», нужно учитывать, что к 1990-м годам Израиль уже перестал быть тем «ашкеназским» государством, каким он был в 1950–60-е – старый порядок к тому времени рухнул, и установился новый баланс сил.

Первые десятилетия (1948–1970-е): страна управлялась ашкеназской социалистической элитой (партия *МАПАЙ/Авода*, профсоюзы *Гистадрут*, киббуцное движение). Волны алии евреев из арабских стран (Ирака, Марокко, Йемена, Египта и др.) принимались, но фактически ставились на *социальную периферию*. Мизрахим селились в транзитных лагерях и «городах развития» на окраинах, получали менее качественное образование и были мало представлены во властных структурах. Преобладала идеология «*правильного котла*», которая на практике означала требование отказаться от восточной культуры в пользу усвоения европейских норм (языка, стиля одежды, музыки и т.д.). Мизрахская традиционная культура считалась отсталой и подлежала модернизации. Таким образом, формировалась система культурной гегемонии ашкенази и маргинализации мизрахим.

Перелом наступил в начале 1970-х. Молодое поколение мизрахи, родившееся или выросшее уже в Израиле, подняло голос против дискриминации. В 1971 г. возникло движение «**Чёрные пантеры**» – группа активистов марокканского происхождения, которая открыто сравнила положение восточных евреев в Израиле с положением чернокожих в Америке (откуда позаимствовано название движения). *Пантеры* указали, что проблема носит не индивидуальный, а системный характер: восточные евреи намеренно держатся в бедности и невежестве, и это необходимо менять.

Реакция истеблишмента была показательной: премьер-министр Голда Меир после встречи с активистами назвала их «*неприятными людьми*» (в печати также интерпретировали как «ненастоящие люди»). Хотя позже Меир смягчила риторику, ее слова стали символом высокомерия власти по отношению к обездоленным мизрахим. Государство попыталось сначала подавить протест, а затем частично кооптировать его – были увеличены социальные выплаты, открыты возможности для ряда лидеров. Но глубинные причины – неравенство и отсутствие символического признания – остались.

1977 год – «маапеха» (переворот): на выборах впервые победила правая партия *Ликуд* (Менахем Бегин), разгромив левую Аводу. Эта политическая революция была напрямую связана с мизрахи: восточные евреи массово проголосовали за Бегина, увидев в нём «своего». Бегин, в отличие от социалистов, проявлял уважение к простым людям из восточных общин, использовал риторику патриотизма и традиционных ценностей. Он предложил мизрахим признание вместо ассимиляции: не нужно становиться европейцем, чтобы быть израильянином – достаточно быть патриотом и евреем-традиционалистом. В 1980-е появляется религиозная партия *ШАС* (сефардские харедим), которая придала мизрахской идентичности ещё и религиозную легитимность, утвердив, что восточная (сефардская) версия иудаизма ничуть не хуже ашкеназской.

Итоги революции мизрахи к 1990-м: восточные евреи отвоевали своё место в израильском «большом нарративе». Они заняли важные позиции в политике (министры,

мэры, раввины), в армии (генералы мизрахского происхождения перестали быть редкостью), в бизнес-элите. Культура мизрахи из маргинальной превратилась в мейнстрим: восточная музыка (мизрахит) стала звучать из каждого радио, традиции восточной кухни и семейного уклада вошли в общенациональную моду, появились телезвёзды и писатели мизрахского происхождения.

Фактически, мизрахи сумели поменять критерии «настоящей израильскости». Если раньше эталоном был сабра-ашкенази (уроженец кибуца, говорящий на иврите без акцента, секулярный и ориентированный на Запад), то к 2000-м годам столь же «настоящим» считался иранский или марокканский еврей, посещающий синагогу, слушающий восточную поп-музыку и голосующий за правых.

Таким образом, к моменту прибытия русскоязычной волны репатриации (начало 1990-х) израильское общество уже жило по новым правилам. Ашкеназская гегемония была сломлена, и установилась система разделенной идентичности, где ни одна группа не могла монополизировать понятие *«кто такой израильтянин»*. Мизрахи закрепили свои достижения, но и не заменили собой прежнюю элиту полностью – вместо этого возник *плюрализм без интеграции*, когда разные группы согласились «не трогать» сакральные темы друг друга (религия, культура, язык).

Это важный контекст: русскоязычные репатрианты (далее – русскоязычные) приехали уже в *трансформированное общество*. Тех каналов подъема, что существовали у предыдущих волн (например, встроиться в ашкеназский истеблишмент), больше не было, а новые механизмы признания, которые сработали для мизрахи, на «русских» не распространились. Ниже мы рассмотрим, почему так произошло.

Русскоязычная алия 1990-х:

«трофей холодной войны» и утилитарная интеграция

Массовая репатриация из бывшего СССР в 1990-е стала возможна благодаря внешнему фактору – падению Железного занавеса. Израиль во многом воспринимал эту алию как *геополитическую победу*: долгожданные советские евреи, выезд которых годами добивались, наконец смогли приехать. В страну за 10 лет влилось порядка 900 тыс. – 1 млн репатриантов (оценки разнятся, но обычно говорят о ~950 тысячах за десятилетие). Это увеличило население страны более чем на 15% – беспрецедентный демографический скачок (эквивалентный тому, как если бы США приняла 50 млн мигрантов за десятилетие). Израиль из небольшого ближневосточного государства превратился в крупнейший центр русскоязычного еврейства в мире (около 40% всех евреев-выходцев из СССР живут теперь в Израиле).

Социально-экономический портрет этой волны резко отличался от предыдущих репатриаций:

- **Высокий уровень образования и квалификации.** Как уже упоминалось, более 60% взрослых новых репатриантов имели высшее образование. Многие были инженерами, учёными, врачами, музыкантами, учителями – то есть обладали значительным *человеческим капиталом*. Фактически произошла *«утечка мозгов» в пользу Израиля*, что признавали даже экономисты: *«мы должны поблагодарить Мать-Россию за то, что она позволила им приехать»*, цинично заметил один израильский эксперт.

- **Светский и европейский культурный бэкграунд.** Большинство репатриантов были нерелигиозны (продукт советской секулярной среды). Они говорили на русском, были знакомы с русской/европейской культурой, часто не знали ни слова по-ивриту по приезду. Иными словами, по ментальности это были «советские люди», в значительной

степени носители европейской просвещенческой культуры, хотя и прожившие жизнь в специфических условиях СССР.

- **Слабая идеологическая мотивация.** В отличие от многих репатриантов ранних лет (1940–50-х), которые ехали зачастую по сионистским убеждениям или спасаясь от преследований, алия 90-х носила во многом экономический характер. Люди искали лучшей жизни из рушащегося постсоветского пространства. Сионистская идеология занимала далеко не первое место. Это проявилось хотя бы в том, что значительная часть новых граждан не стремилась сразу «раствориться» в израильской культуре и языке, а предпочитала сохранить родной язык, создать свои СМИ, литературу и т.п. (подробнее об этом ниже).

- **Смешанные браки и размытая еврейская идентичность.** Из-за политики СССР (где национальность «еврей» часто несла социальные риски) и распространенных смешанных браков, многие приехавшие имели неполное еврейство: примерно четверть новых репатриантов не считались евреями по Галахе (т.е. у них еврейство было только по отцовской линии или только дедушка/бабушка еврей). По Закону о возвращении они получили израильское гражданство (достаточно иметь еврейского деда), но для раввинов они не были евреями, что создало огромную проблему *личного статуса*: люди не могли вступать в брак в Израиле (где браки регулируются религиозно), возник «класс» граждан без религиозной принадлежности.

Отношение принимающего общества к новой алии можно охарактеризовать как утилитарно-прагматичное. Государство видело в них решение демографических и экономических задач:

- В стратегическом плане прибытие 1 миллиона евреев укрепляло еврейское большинство в стране, особенно на фоне высоких темпов рождаемости у арабского меньшинства. Это имело и безопасность, и политическое значение (арабские граждане стали меньшей долей населения).

- В экономике новая волна дала скачок потребления (миллион новых потребителей товаров и жилья) и приток квалифицированной рабочей силы. Некоторые аналитики утверждали, что *«русские спасли экономику Израиля»*, влив и спрос, и кадры в стагнировавшую в конце 80-х экономику. Особенно отмечают бум в сфере хай-тек: сочетание высокообразованных советских инженеров и опытных армейских технологов ЦАХАЛа привело к бурному росту израильской индустрии высоких технологий в 90-е годы.

- В оборонном отношении также указывают, что сотни бывших советских офицеров и солдат усилили ряды израильской армии и ВПК. Один из докладов отмечает, что репатрианты из СССР даже повысили боевой потенциал Израиля косвенно, т.к. их массовое прибытие напугало арабский мир и ускорило принятие идеи мирного процесса (организация ООП осознала, что не сможет демографически победить Израиль).

При всём этом на символическом уровне новых олим не спешили считать «своими». Считалось, что достаточно дать им работу и квартиру, а там со временем ассимилируются. Культурные запросы репатриантов воспринимались как вторичные. В 90-е годы израильтяне шутили: «Мы ждали рабочих рук, а приехали люди с мозгами». В этой шутке признавалось, что репатрианты нужны прежде всего как работники – инженеры, врачи, учителя – а не как носители иной культуры. Многие в израильском истеблишменте действительно смотрели на них как на *экономических мигрантов*, просто оформивших статус репатрианта.

Характерный инцидент произошёл в ноябре 2025 г., когда представитель Ассоциации промышленников на заседании кнессета по вопросам трудовых мигрантов назвал выходцев из СССР *«гастарбайтерами, ставшими олим»*. Фраза вызвала скандал, прозвучали обвинения в расизме, чиновнику пришлось извиняться. Но важно, что подобные взгляды не единичны — это «проговоренная вслух» латентная установка части общества: русскоязычные воспринимаются прежде всего как *приезжие ради работы*, а не как органичная часть еврейского народа. Само то, что подобное прозвучало в Кнессете, в комиссии по *иностранным рабочим*, говорит о многом. Показательно и сдержанно-формальное извинение: *«неправильно поняли»*, вместо признания ошибочности самой мысли. Фактически, прозвучал сигнал: *думать-то я так могу, просто говорить публично не надо*.

Вывод: русскоязычная алия 90-х стала огромным благом для Израиля в практическом измерении, но заложила бомбу двусмысленности в плане идентичности. Официально этих людей встречали как *«вернувшихся на историческую родину братьев»*, но реально относились как к *иммигрантам-экономическим агентам*. Отсюда и модель, которая сложилась: русскоязычные быстро достигли функциональной интеграции (учатся, работают, служат в армии, платят налоги), но при этом значительная часть из них — и тем более их культура — осталась обособленной от мейнстрима.

Закрытие «европейского» пути интеграции и изоляция русскоязычных

Почему же русскоязычные репатрианты не «влились» в израильский мейнстрим со временем, как это можно было бы ожидать? Здесь необходимо вернуться к контексту революции мизрахи и общей конкуренции солидарностей. По сути, традиционный путь ассимиляции через принятие европейско-ашкеназских норм в 1990-е уже не работал. Приезд «русских» на два десятилетия позже «мизрахим» предопределил их *культурный анахронизм* относительно новой израильской реальности.

Основные причины такой изоляции:

- **Дискредитация образа «европейца» в израильском дискурсе.** К 90-м годам «европейскость» перестала автоматически ассоциироваться с элитностью. Наоборот, за прошедшие годы образ высокомерного европейского ашкеназа, презирующего восточных, приобрёл негативные коннотации в массах. Мизрахи, став новой политической силой, во многом противопоставили свою ближневосточную аутентичность старой западной элите. В этих условиях русские репатрианты — в массе своей светские, с дипломами московских и киевских вузов, любящие классическую музыку и европейскую литературу — *не выглядели «своими» ни для одной из групп*. Ашкеназская левая интеллигенция уже потеряла влияние, да и относилась подозрительно к «советским» (другой менталитет, правые взгляды у многих). Для мизрахим же выходцы из Союза казались очередной волной «белых европейцев», которые смотрят свысока и пытаются навязать свою культуру. Таким образом, культурный багаж репатриантов, который раньше мог бы быть преимуществом (образованность, европейская культура), в обновлённом Израиле стал скорее нейтральным или даже вызывал настороженность у широких слоёв.

- **Отсутствие собственной ниши в системе солидарностей.** Русскоязычные не были религиозной группой, чтобы встроиться, например, в религиозный лагерь. Напротив, их секулярность и проблемы с Галахой сделали их объектом недоверия со стороны религиозных партий. Они не были этнической группой, связанной с историей страны, как мизрахи (которые могли апеллировать: «наши предки жили на Востоке рядом с Эрец-Исраэль тысячами, мы — автахтонная ближневосточная культура»). Советское

происхождение не дало им нового “капитала страдания” для израильского нарратива (в отличие от переживших Холокост у ашкеназов или изгнание из арабских стран у мизрахим). Да, у многих были предки, пережившие репрессии или блокаду Ленинграда, но эти истории не легли в основу общенациональной мифологии Израиля. Проще говоря, русскоязычным оказалось нечем «вызвать эмоциональный отклик» у других солидарностей. Их опыт не вписывался ни в одну из привычных линий (ни Шоа, ни изгнание из арабских стран, ни религиозный подвиг, ни пионерское освоение Палестины).

• **Этническая партия vs общенациональная политика.** Столкнувшись с трудностями, русскоязычные пошли по пути создания собственных политических партий (начиная с «Израэль ба-Алия» Натана Щаранского в 1996, затем главным стал «Наш дом Израиль» Авиغدора Либермана). С одной стороны, это дало громкий политический голос общине и ресурсы – русскоязычные министры, бюджеты на абсорбцию и пенсионные программы. Но с другой стороны, это закрепило образ «русских» как отдельной группы, преследующей узкие интересы. Кроме того можно констатировать, что конкурирующие солидарности ашкеназов и мизрахим делали все, чтобы русскоязычные не стали консолидированной группой, влияющей на принятие политических решений. В том числе и привязав политические амбиции русскоязычных к узким этническим партиям типа НДИ.

• Этническая партия в коалиции – это не символ интеграции, а знак, что группа требует своего «особого места». В итоге, хотя персонально ряд выходцев из СССР добились высоких постов (министр иностранных дел Либерман, бывший спикер Кнессета Ю.Эдельштейн и др.), массовое сознание продолжало воспринимать их как «русскую партию» и «русское лобби». Это *геттоизировало* политическое представительство репатриантов, вместо того чтобы растворить его в общенациональных партиях.

• **Культурная автономия и языковой барьер.** Русскоязычные репатрианты в большинстве своём не отказались от родного языка и культурных практик. В Израиле 1990-х – 2000-х сформировалось параллельное русскоязычное пространство: десятки газет и журналов, телеканал (*Даже 9-й канал позиционируется как русский*), множество сайтов, форумов, книжных издательств, театры, клубы. Это во многом облегчило жизнь репатриантам – снижало стресс от погружения в чужую среду, позволяло не терять профессиональные навыки (учёные продолжали читать литературу по-русски и публиковаться, врачи обменивались опытом на языке, понятном им лучше иврита). Государство отчасти поощряло такую автономию, считая, что это временно. Однако парадокс в том, что чем успешнее русская община обеспечивала себя сама своей культурой, тем меньше был стимул у остального общества включать эту культуру в общий котёл. Русскоязычные жили немного «в отдельном мире»: они празднуют свои праздники – например, *9 Мая (День Победы)*, ставший для них главным памятным днём войны; смотрят свои фильмы (советскую классику или российские сериалы); читают своих авторов. При этом *9 Мая лишь недавно получил официальный статус дня памяти в Израиле (с 2017 года) и всё ещё остается скорее «русским» праздником*⁸, а советский солдат-победитель так и не вписан в израильский пантеон героев Второй мировой, где по-прежнему доминирует тема Катастрофы европейского еврейства. Языковой барьер тоже долго был значим: многие репатрианты первого поколения, особенно пожилые, так и не выучили иврит на должном уровне. Их дети и внуки уже двуязычны или ивритоязычны, но семейный язык часто остаётся русский. До четверти населения страны дома говорит по-русски, но в публичном пространстве этот язык почти не используется (разве что объявления в банках дублируют). Это создает эффект *видимости/невидимости*: русскоязычные заметны как

⁸ jpost.com

социокультурный сегмент, но на уровне общенациональной культуры русский язык и контент не получили значимой ниши.

В результате сложилась модель, которую исследователи характеризуют как **«функциональная интеграция без символического признания»**. Русскоязычные стали неотъемлемой частью израильской экономики, обороны, науки – без них уже трудно представить израильские больницы, университеты или IT-компании. Но в коллективном самосознании нации они до сих пор во многом «чужие». Их ценят как квалифицированных работников, налогоплательщиков, солдат ЦАХАЛа – но *не спешат чувствовать как равноправных соавторов израильской истории*. Например, лишь немногие русскоязычные герои (генералы, политики) вошли в школьные учебники истории или удостоились улиц и памятников. Русскоязычная литература Израиля известна и высоко ценится в самой этой общине, но почти не переведена на иврит и мало знакома широкой публике.

Сравнение с мизрахим: почему «русская» община не повторила их успех?

Чтобы глубже понять причины описанной ситуации, полезно сравнить траекторию русскоязычных репатриантов с опытом мизрахим. Обе группы столкнулись с первоначальной маргинализацией, но исход у них разный: мизрахи сумели трансформировать общенациональную идентичность, а русскоязычные – нет.

Общие черты ситуации:

- И мизрахи (в 1950–60-е), и русские (в 1990-е) приехали большой численностью за короткое время, чем изменили демографию страны.

- И те, и другие поначалу воспринимались существующей элитой как *«чужеродный элемент»*, носители «чуждой культуры», которую надо переработать. Ашкеназская элита презирала «восточную примитивность» мизрахим; мизрахская элита 90-х смотрела косо на «русских атеистов».

- Те и другие создали свои **сети взаимопомощи** и структуры: мизрахи – неформальные общинные связи, религиозные заведения; русские – свою медийно-культурную инфраструктуру.

- И те и другие сталкивались с **стереотипизацией**: мизрахи – как ленивые, необразованные балаганщики, русские – как шовинистичные, пьющие водку «русские» (хотя среди репатриантов было немало людей других национальностей СССР, их всё равно называют «русскими»).

Но различия перевесили:

1. **Временной фактор прибытия.** Мизрахи приехали *в начале истории государства*, когда всё только формировалось, и их протест пришёлся на период кризиса старой системы (70-е). У них было время отстоять своё место. Русские же приехали *позже*, когда система уже устоялась после революции мизрахи. Они *опоздали к разделу «культурного пирога»*. К 90-м годам в символическом поле уже доминировали две крупные силы – светско-правый мизрахский патриотизм и религиозный ультраправый лагерь. Новому крупному игроку просто не осталось ниши, кроме как вписаться в одну из существующих партий.

2. **Религиозно-культурная резонансность.** Мизрахи, несмотря на специфику своих традиций, всё же исповедовали *ту же иудаистскую религию*, почитали Шабат, кашрут и пр., просто немного иначе. То есть их культура лежала *внутри парадигмы еврейской традиции*. Русские в массе были светскими, часто равнодушными или мало знакомыми с еврейской религией. Их появление *усилило секулярный лагерь*, но парадоксально: к 90-м сам секуляризм потерял престиж. Таким образом, «русские» не

добавили ценности ни одной из принятых «валют идентичности» – ни религии, ни ориентализации, ни леволиберальности (они в основном правые консерваторы по взглядам на безопасность).

3. **Аутентичность и язык.** Мизрахи смогли сказать: *мы – не пришельцы, мы с Востока, как и эта земля*. Их культура – ближневосточная (арабский язык, восточная музыка) – во многом сродни окружающему миру. Русские же привезли культуру далёкую географически. Русский язык в Израиле – язык диаспоры, язык изгнания, а не часть земли обетованной. Поэтому «русская» культура воспринимается чужой и неаутентичной для израильского проекта (как, к слову, и культура американских англоязычных оллимов – они тоже не формируют мейнстрим).

4. **Нарратив страдания и заслуг.** Мизрахи имели мощный нарратив: *«Мы пережили изгнание из мусульманских стран, приехали в Израиль, а тут нас унижали свои же – восстановите справедливость!»*. Этот нарратив возымел действие: израильское общество, выстроенное на идее преодоления антисемитизма, не могло игнорировать внутренний расизм. У русскоязычных такой моральной претензии не было. Они могли бы рассказать об антисемитизме в СССР, но многие израильтяне относились к этому скептически («в СССР, мол, антисемитизм был, но не Холокост же»). К тому же советские евреи воспринимались отчасти *привилегированными* в Союзе (особенно интеллигенция), поэтому сочувствия к их «страданиям» было мало. А про дискриминацию уже в самом Израиле русские почти не заявляли – они интегрировались в экономику успешно, не было такой вопиющей бедности и сегрегации, как у мизрахим в 50-е. Получается, не было образа «жертвы несправедливости», за которую надо вступить.

5. **Демография и электоральный вес.** Мизрахи стали (и остаются) практически половиной еврейского населения. Без их голосов невозможно победить на выборах – что и доказал Ликуд в 1977-м. Русскоязычные – около 15%. Это значимо, но не решающе (к тому же они разбросаны по партиям). Они могли склонять чашу весов в коалиционных раскладах (их называли *«kingmakers»* в 1990-е)⁹, но не контролировали ситуацию напрямую. После 2010-х их голос несколько распылен: часть осталась с Либерманом, часть голосует за крупные партии (Ликуд, Есть Будущее и др.). Таким образом, у «русских» не хватило «критической массы», чтобы самим диктовать повестку, в отличие от мизрахим.

6. **Стратегия интеграции.** Мизрахи, по сути, интегрировались через конфронтацию: они отвергли ассимиляцию и заставили признать свою идентичность. Русские же пошли по пути адаптации: в 90-е они во многом отстранились в свой «русский мир», а в 2000-е – наоборот, начали рассредотачиваться по израильскому обществу индивидуально (через карьеру, через браки с сабрами и т.д.), но *не предъявляя групповых требований*. Русская улица не выходила массово протестовать за свои культурные права (за исключением, пожалуй, борьбы за пенсии репатриантов). В результате власть не чувствовала сильного давления пересматривать символическую политику. Политики могли игнорировать «русский вопрос» без ощутимых последствий – в отличие от «вопроса мизрахим», который с 1970-х нельзя было игнорировать без потери власти.

Все эти различия объясняют, почему «русская алия» осталась особняком. Её вклад признан на словах (*«вы сделали много для страны»*), но сами правила игры на символическом поле не изменились в её пользу. Более того, некоторые успехи мизрахим даже *затруднили* интеграцию русских: например, **усиление роли религии** (как элемента мизрахской идентичности) только подчёркивает чужеродность секулярных русских; **переход на восточные культурные коды** означает, что русская культура остаётся экзотикой.

⁹ ridl.io

Скрытая конкуренция и напряжения

Хотя прямых острых конфликтов между русскоязычными и другими группами (например, мизрахим) нет, есть скрытое напряжение и конкуренция за статус, о которой редко говорят вслух.

Некоторые аспекты этого напряжения:

- **Экономическая конкуренция.** Русскоязычные заняли значительную долю рабочих мест в престижных секторах – hi-tech, медицина, наука. Для потомков мизрахим, многие из которых только во 2–3 поколении стали пробиваться в эти сферы, это порой вызывает чувство несправедливости: *«Мы столько лет бьемся, чтоб нас признали, а эти новички приехали и сразу получили хорошие места»*. Такого рода ропот слышен, например, когда речь заходит о распределении должностей в университетах или больницах. **Факт:** около 25% преподавателей в вузах – носители русского языка. С одной стороны, это повод гордости (Израиль привлёк «мозги»), с другой – для кого-то напоминание, что местным (особенно из восточных общин) достаётся меньше пирога элитных позиций.

- **Символическая конкуренция «кто свой израильтянин».** Мизрахи выстрадали право называться «настоящими израильтянами» – через службу в армии, через патриотизм, через утверждение восточной культуры. Русские тоже патриоты и в армии служили исправно (некоторые героически погибли в боях). Но их часто воспринимают как «попутчиков» в правом национальном лагере. Мизрахский правый дискурс – это национализм плюс традиционный иудейский элемент; **русские правые** – национализм плюс светский советский стиль (недоверие к арабам, жёсткая линия безопасности, но при этом за светское государство). То есть, они как бы правые не «по той причине». Отсюда подозрение: голосуют за наших (Ликуд и др.), но в душе не вполне разделяют нашу (мизрахскую, традиционалистскую) израильскость. Этот разрыв проявлялся, например, когда в 2010-х **Либерман выступал против свержения религиозных** – мизрах-консерваторы были возмущены, считая его (и, по ассоциации, русских) разрушителем «еврейского характера» государства.

- **Культурные стереотипы и бытовые трения.** В массовом сознании у каждой группы есть стереотипы о другой. Про «русских» нередко можно услышать, что у них «нет такта», «они холодные европейцы», «презирают восточные традиции», «везут сюда русский шовинизм» и т.д. С другой стороны, русскоязычные иногда высокомерно отзываются о местных: дескать, *«тут образование слабое, культура примитивная (попса восточная), мы приехали – умные научные кадры, а нас не ценят»*. Такие высказывания подпитывают взаимное непонимание. Бытовые конфликты могут возникать на почве разных привычек – от музыки на свадьбах до отношения к очередям и вождению авто. Всё это мелочи, но они складываются в фон, на котором каждая сторона считает другую немного чужой.

- **Отдельное отношение религиозного истеблишмента.** Для ортодоксального истеблишмента русские репатрианты – вообще «головная боль»: сотни тысяч *неевреев по Галахе*, требующих браков, могил на кладбищах, конверсии в иудаизм. Раввины-недоброжелатели прямо называют их «русскими гоями». Это совершенно открытый фронт отчуждения: почти все попытки реформистов или государственников ввести гражданские браки или смягчить гиюр (процедуру принятия иудаизма) блокируются. Получается, значительная часть репатриантов как бы не до конца включена в «еврейскую семью» формально. Это, безусловно, психологически ощущается – людям дают понять, что они евреи «второго сорта» (хотя израильтяне и евреи – не одно и то же, но в еврейском государстве статус еврея имеет социальный вес).

Все эти напряжения не вылились в открытый конфликт – скорее, они поддерживают дистанцию и обособленность. Можно говорить о некоем конкурентном равнодушии:

группы взаимодействуют по необходимости (работа, армия), но за пределами официального контакта живут каждый в своём мире. Русскоязычные отчасти сами уклонились от борьбы за место в символическом центре, опасаясь нарваться на враждебность, и предпочли комфорт своей диаспоры внутри государства. Остальные, соответственно, не спешат их туда приглашать.

Механизмы воспроизводства периферийного статуса

Почему же, даже спустя три десятилетия, положение русскоязычных в символическом плане существенно не изменилось? Здесь важно понять, что сложившаяся конфигурация поддерживается определёнными структурными механизмами – своего рода ловушками, которые не дают ситуации эволюционировать.

1. **Культурная и языковая автономность.** Как отмечалось, русскоязычная община создала полноценную субкультуру – “Русский Израиль” со своими медиа, артистами, праздниками. Это с одной стороны помогает ей выживать и сохранять идентичность, но с другой – снижает её видимость и влияние на общенациональную культуру. Многие израильтяне просто не знают, чем живут “русские” – ведь они не читают их газеты и Фейсбук-группы, не ходят на их мероприятия. Пока существует эта комфортная автономия, нет давления на то, чтобы, например, ивритские телеканалы транслировали программы о жизни русской общины. Фактически, автономия оборачивается изоляцией: общество говорит русским негласно – *“живите как хотите, только нам не мешайте и от нас не требуйте”*. А община говорит: *“ну и ладно, нам и так неплохо”*.

2. **Политическая сегрегация (этнизация политики).** Наличие “русских” партий (в прошлом *Исраэль ба-Алия*, затем *Наш дом Израиль* и др.) привело к тому, что проблемы репатриантов были выделены в отдельную нишу, которую крупные партии могли игнорировать. Скажем, Ликуд мог особо не заботиться о пенсионерах-репатриантах, зная, что Либерман выбьёт для них доплаты в коалиционном соглашении. В итоге русская община получала льготы и законы, но взамен оставалась чужеродным телом. К тому же в последнее время “русская” партия потеряла влияние – в правительстве 2023 года вообще не было ни одного министра-репатрианта¹⁰. Отсутствие русских в высших эшелонах власти (что, к слову, тоже частично результат их же этнического обособления) ведёт к тому, что *их повестка системно не звучит*. В Кабмине интересы мизрахи представляют многие (тот же премьер Нетаньяху – половинчатый сефард по происхождению, и большая часть его электората – восточные). Интересы ультраортодоксов защищают их собственные фракции ШАС и Яадут ха-Тора. А русские в нынешней коалиции представлены буквально 1–2 депутатами от других партий, да и те не обязательно акцентируют русскую тему. Значит, *в ближайшие годы некому системно лоббировать символическое равноправие русской культуры на национальном уровне*.

3. **Утилитаризм экономических элит.** В израильском бизнес-сообществе (которое тоже в основном состоит из мизрахим и ашкеназов-сабр) укоренился взгляд на «русских» как на ресурс. Они – прекрасные работники, инженеры, учёные. Их ценят за трудолюбие и дисциплину, за амбициозность и конкурентность (что “подстёгивает” остальных работать лучше). Но за пределами рабочих функций – ими не интересуются. Начальнику важно, что у него в R&D-отделе сидят талантливые программисты из Москвы, но он не собирается узнавать про их культурные ценности. Это такой “*договор обмена*”: вы нам – работу, мы вам – деньги и равные возможности карьерного роста. Казалось бы, справедливо. Но на уровне общества это увековечивает статус русских как «чужих среди равных» – с ними взаимодействуют в функционально-деловом плане, но не стремятся принять в семью. Более того, стоит кому-то из русских заговорить о притеснении или

¹⁰ library.fes.de

культурных правах, ему могут сказать: «Тебе что, мало? Посмотри, кем ты работаешь, сколько зарабатываешь – разве тут притесняют?». Экономический успех парадоксально оборачивается невидимостью культурных проблем, ведь «успешные не плачут».

4. **Отсутствие союзников.** Как уже говорилось, русскоязычные не вписаны ни в одну из больших коалиций идентичности. Ашкеназские левые традиционно могли бы быть близки им по секулярности, но конфликт ценностей (русские в массе правые, антипатия к “леволибералам”, обвиняемым в наивности и уступчивости арабам) мешает союзу. Мизрахи и русские – по одну сторону баррикад в поддержке правых, но культурно друг друга недолюбливают. Религиозные – видят в русских фактор секуляризации. Арабам проблемы русских непонятны вовсе (они-то причисляют их к израильской нации и видят всех евреев едино, еще одних «понаехавших»). В израильской «игре престолов» не нашлось силы, которая взяла бы русскую общину под своё крыло не из выгоды, а по идейной близости. Возможно, зарождающаяся антихаредемская секулярная коалиция (включающая часть потомков русских, сабр-ашкеназов, либералов) станет таким союзом, но пока она не оформлена.

5. **Межпоколенческая ассимиляция.** Наконец, надо отметить, что каждое следующее поколение русскоязычных все менее “русское”. Первое поколение (**приехавшие** в зрелом возрасте) – да, сохраняет язык, память, часто общается в своем кругу. Второе поколение (дети, приехавшие подростками, или родившиеся сразу после репатриации) – уже билингвы, выросли в израильской школе и армии, многие ассоциируют себя с Израилем прежде всего, хотя русский им не чужд. Третье поколение (рожденные в 2000-х и позже) – это уже почти обычные израильтяне, по языку и ментальности, “русскость” для них – лишь бабушкины сказки и салат оливье на Новый год. Это естественный процесс: со временем любая эмигрантская культура растворяется. Но именно сейчас, во второе-третье десятилетие после алии, мы находимся в ситуации, когда первое поколение уходит, а второе пока не готово/не желает нести знамя русской культуры публично. Многие 30–40-летние выходцы из СССР хотят быть просто израильтянами, отмежевываются от «русского акцента». Это их право и, казалось бы, успех интеграции. Но если смотреть шире, выходит, что *некому требовать признания «русских потребностей»*, ведь молодые уже не уверены, что им это надо, а старших не слушают. Действительно, ряд социологических опросов отмечает, что до 70% русскоязычных израильтян считают, что у них такие же интересы, как у всех израильтян, и не нужно выделяться как «особая община»¹¹. Это позитивный интеграционный тренд, но он означает, что *символические проблемы остаются без защитников*: сами «русские» не считают нужным за них бороться, надеясь раствориться в общем котле.

Перечисленные механизмы образуют замкнутый круг: обособленность ведёт к невидимости, невидимость – к отсутствию изменений. Пока не произойдёт серьёзный внешний или внутренний толчок, система будет стремиться сохранить статус-кво.

Возможные сценарии дальнейшего развития

В перспективе можно выделить несколько сценариев эволюции статуса русскоязычных репатриантов в Израиле. Эти сценарии не взаимоисключающие – разные их элементы могут сочетаться, – но для аналитической ясности рассмотрим их по отдельности:

1. **Постепенная ассимиляция и растворение (базовый сценарий).** Самый вероятный исход – через 1–2 поколения русскоязычная общность перестанет существовать как отдельное целое. Молодёжь, родившаяся в Израиле, уже в значительной степени интегрирована: они учатся в тех же вузах, женятся на нерусскоязычных, говорят на иврите

¹¹ ridl.io

без акцента. Русский язык сохранится в отдельных семьях, но перестанет быть языком повседневной жизни. Культурные специфики сгладятся: День Победы, возможно, станет официально отмечаться наравне с другими памяtnыми датами; Новый год (настоящий, 1 января) всё больше празднуется и сабрами тоже, то есть «русские» праздники обобщаются. Такой сценарий наблюдался с прежними волнами алии – например, из Польши, Румынии – их потомки полностью слились с нацией. **Отличие лишь в масштабе:** русскоязычных очень много и процесс может занять больше времени, но направление уже задано. Показательно, что уже сейчас около 70% русскоязычных избирателей не голосуют за «русские» партии, считая общие партии достаточно представляющими их интересы. То есть идентичность «русского израильтянина» размывается, люди просто считают себя израильтянами.

2. **Сохранение устойчивой субкультуры (сценарий «диаспоры внутри государства»).** Другой вариант – русская община сохранит свои отличия ещё надолго, пусть и в уменьшенном виде. Будет продолжаться иммиграция из стран бывшего СССР (возможно, волнами, как, к сожалению, происходит с 2022 г. из-за войны в Украине и мобилизации в России). Это подливает «свежую кровь» в диаспору, не даёт языку исчезнуть. Государство по-прежнему заинтересовано привлекать репатриантов, поэтому инфраструктура для них (курсы языка, льготы, СМИ) будет поддерживаться. В таком случае через 20–30 лет может оказаться, что русский язык всё ещё знают сотни тысяч израильтян, просто это будут уже другие люди. Культура может эволюционировать в сторону большего двуязычия: например, всё больше будет музыкантов и писателей, создающих произведения на иврите, но с русскими корнями (это уже происходит). Так возникнет новая **постсоветская израильская идентичность**, частично сравнимая с тем, как *американские евреи* сохранили некую особость в США, но стали неотъемлемой частью нации. Здесь много будет зависеть от того, будет ли поддержка **многоязычия и мультикультурализма** на государственном уровне. Если, скажем, в израильских школах будущего появятся факультативы русского языка или музеи истории русских евреев, это закрепит роль общины. Если же возобладает курс на полный моветон любых других языков, субкультура сожмётся до круга иммигрантов и постепенно исчезнет, как в сценарии №1.

3. **Политическая мобилизация на секулярно-либеральной основе (сценарий союзов).** Есть вероятность, что русскоязычные израильтяне станут ядром нового секулярного движения, выступающего против религиозного диктата и за либеральные реформы (гражданские браки, транспорт по субботам, равенство неевреев и евреев). Уже сейчас заметно их непропорциональное участие в протестах 2023 г. за демократию – выходцы из СССР ценят светские свободы и опасаются религиозного радикализма. Если этот тренд усилится, русская община может из «особой» превратиться в авангард секулярных израильтян вообще. Тогда идентичность «русский» сменится на идентичность «светский патриот». В такой конфигурации они потенциально найдут союз с светскими ашкеназскими элитами и частью мизрахи среднего класса¹². Этот сценарий приведёт не к признанию русской культуры *per se*, но к *изменению правил игры в пользу секуляризма*, что опосредованно решит и многие «русские» проблемы (например, отмена религиозных браков решит вопрос браков для неевреев). Однако, это требует серьёзной **политической консолидации**, выходящей за рамки этнической. Проще говоря, русскоязычные должны перестать говорить от имени «русских» и начать говорить от имени «всех светских израильтян». Примеры отдельных лидеров (Авигдор Либерман частично пытался, позиционируясь не только как «русский», но и как боец против ультраортодоксов) показывают, что это возможно. Но пока это не массовое движение.

¹² 972mag.com

4. Всплеск алии и новый конфликт (маловероятный, кризисный сценарий). Чисто гипотетически, представить можно и резкий приток новых репатриантов, скажем, в результате кризиса в России/Украине. Если за короткий срок приедут ещё сотни тысяч русскоязычных, да ещё неевреев по Галахе, это может обострить отношения с религиозными и националистами до открытого конфликта. Возможны популистские кампании против «гоев» (неевреев) в Израиле. Русская община будет вынуждена сплочаться и защищаться, выйдя из пассивной роли.

В целом, наиболее вероятен постепенный дрейф в сторону сценария 1 (ассимиляция), частично комбинирующийся со сценарием 2 (субкультура). То есть, основная масса потомков русских впишется в израильтяне, а некий «русский остров» ещё будет существовать, но всё менее влиятельный.

Признаки этого уже видны: по данным 2019 г., русскоязычные избиратели рассредоточены по всем партиям, и ни одна партия более не может считаться монополистом их голосов. Даже партия Либермана, раньше выражавшая идентичность общины, была вынуждена переориентироваться на общегражданскую повестку, потому что акцент на «статус русских» перестал цеплять молодое поколение.

Итак, без внешних потрясений или внутренней мобилизации особого пути для «русской алии» уже не просматривается – она пойдёт проторенным путём предыдущих иммиграций, растворяясь в плавильном котле, который теперь варится на медленном огне (пусть идеологию плавильного котла официально и похоронили, по факту интеграция через школы, армию и смешанные браки никуда не делась).

Заключение

Концепция конкурирующих солидарностей оказалась весьма продуктивной для анализа как израильского общества в целом, так и частного кейса русскоязычных репатриантов. Израиль – не «плавильный котёл» в классическом понимании и не мультикультурная федерация, а *нечто третье*: поле, где разные группы, обладая собственными основаниями легитимности, вынуждены жить вместе без окончательного слияния. Это создаёт устойчивую, но статичную систему. *Стабильность достигается ценой отказа от разрешения базовых противоречий*. Русскоязычные репатрианты, попав в эту систему, стали своего рода **стресс-тестом**: их появление обнажило многие латентные проблемы (вопрос «кто такой еврей», конфликт секуляризма и религии, элитизм и равенство).

С одной стороны, их история – **успех интеграции**: они обеспечили демографический рост, усилили экономику, стали «неотъемлемой частью» государства в функциональном плане. Израиль сумел поглотить миллион человек за короткий срок, избежав социальных катастроф – уже это достижение. Но с другой стороны, *этот успех односторонний*: государство взяло у них нужное (люди, знания, налоги), но не полностью отдало взамен то, что обычно даёт нация своим новым членам – чувство полного принятия. Они как бы живут «у себя дома, но в чужой квартире»: юридически граждане, по факту – диаспора внутри страны.

В мировой практике известны примеры, когда крупные иммигрантские общины оставались обособленными даже в третьем поколении, особенно если были культурно и языково отличны. Но израильский случай уникален тем, что речь идёт о репатриантах – людях, которых сама идеология страны провозглашает частью нации (по праву возвращения). В этом трагическое противоречие: *сионистская мечта сбора всех изгнанников столкнулась с реальностью, что «изгнанники» оказались слишком разными,*

чтобы слить их в единый народ без швов. Система конкурирующих солидарностей допускает длительное существование такого «неполного слияния». Израиль живёт с внутренними расколами десятилетиями, откладывая ответ на вопрос «кто мы?».

Русскоязычные репатрианты стали заложниками и символом этой неопределенности. Они – граждане государства, но не до конца члены *нации* в духовном смысле. Их судьба, по сути, – тест на то, сможет ли Израиль перерасти себя и найти формулу общей гражданской нации, или так и останется конгломератом племён, где каждое племя имеет свой отдельный угол. Вовлеченность «русских» в протесты последних лет за демократию показывает, что они *готовы бороться за общее будущее страны*. Будет справедливо, если и страна в целом ответит готовностью полностью принять их прошлое и культуру в своё многоцветье.

Пока же можно констатировать: **без целенаправленных усилий тенденция идёт к тому, что проблема «решится сама собой» через ассимиляцию** – ценой утраты уникального опыта и потенциала. Если общество Израиля осознает ценность разнообразия и опыта «русской алии», то следование изложенным рекомендациям может не только помочь русскоязычным чувствовать себя как дома, но и обогатить израильскую идентичность новыми гранями. Ведь, в конце концов, история Израиля – это история сплетения разных судеб и культур в единое целое, и русскоязычная страница – одна из крупнейших глав этой истории, заслуживающая прочтения и уважения.